

И. Ф.
ГОРБУНОВ

Сочинения

Иван Федорович Горбунов

Сара Бернар
(Сцены из городской жизни)

«А ты вышей. Это тебя сократит, может что поумнее скажешь. Хотя я невежа, это уж так Богу угодно, а только я на чести: чего понимать не могу, об том и разговору не имею. Ты, может, четыре рихметики обучил, где ж мне с тобой сладить. Одно осталось — выпить с горя. Прости меня Господи!..»

Иван Федорович Горбунов
Сара Бернар

В одном из петербургских клубов, в столовой, сидит несколько человек и ведут беседу.

– Приехала?

– Нет еще, в ожидании. Секретарь ихний приехал, орудует, чтобы как лучше... Книжку сочинил, все там обозначено: какого она звания, по каким землям ездила, какое вино кушает...

– Нашего, должно быть, не употребляет, потому от нашего одна меланхолия, а игры настоящей быть не может.

– По Невскому теперича мальчишки с патретами ее бегают...

– А какая у них игра: куплеты поют, али что?..

– Игра разговорная. Очень, говорят, чувствительно делает. Такие поступки производит – на удивление!.. Ты то возьми: раз по двенадцати в представление переодевается!..

– Пожалуй, на чугунке встреча будет.

– Уж теперь народ разгорячился! Теперь его не уймешь! Давай ходу!.. Билеты-то выставляли – у конторы три ночи ночевали.

Верно говорю: три ночи у конторы народ стоял, словно на Святой у заутрени. Насчет телесного сложения, говорят, не совсем, а что игра – на совесть! Убедит! Дарья Семеновна, на что уж женщина равнодушная, слов никаких понимать не может, а и та ложу купила.

– Которые ежели непонимающие...

– Да она не за понятием и идет, а больше для близиру, образованность свою показать. Капитал-то виден, а все прочее-то доказывать надо.

– Сырой-то женщине, словно, не пристало...

– Пущай попрееет, за то говорить будут: Дарья Семеновна Сару Бернар смотрела. Лестно! Опять и цыганы-то в доме надоели. Ведь сам-то, окромя цыганов, никаких театров переносить не может. Ему чтоб дьякон многолетие сказывал, а цыганы величальную пели. В театре сиди, говорит, сложимши руки – ни выпить тебе по-настоящему, в полную душу, ни развернуться как следует; а цыганы свои люди – командуй как тебе угодно.

– Ну, да ведь не Рашель же, даже и не Ристори!

– Да ведь ты не видал ни ту, ни другую: как же ты можешь судить?

– Нет, видел... То есть, Рашель не видал, а Ристори видел.

– А Сару Бернар не видал: как же ты можешь их сравнивать?

– Да ты прочти...

– Что мне читать!.. Я обеих видел.

– Господа, я вас помирю. Когда здесь была Арну Плесси...

– Это к нашему спору не относится; мало ли кто здесь был. Он не признает Сару Бернар, а для меня она – высшее проявление драматического искусства.

– С вами спорить нельзя...

– Вы бы лучше бутылку велели, чем пустяки-то говорить. Каждый человек на своем месте. Что нам путаться в чужие дела. Давай бутылку...

– Нет, Иван Гаврилович, творчество великое дело!

– Так что же?

– Поважней бутылки!..

– Так ты поди с ним и целуйся, а нам не мешай.

– Я помню, когда Рашель произнесла свое знаменитое «jamaïs» – весь театр дрогнул!..

– В чем это?

– Теперь уж я не помню...

– Завели вы эти темные разговоры, ничего нестоящие. На языках на ихних вы производить не умеете...

– Да ведь вы ходите в итальянскую оперу, а языка не понимаете...

– Так что же! Это я только для семейства порядок соблюдаю. Жене с дочерью требуется, а мне одна тоска. Кабы буфета не было...

– Кабы у нас поменьше буфетов-то было...

– Что ж ты думаешь – лучше? Буфет на потребу, без него нельзя... Прибежище!.. Все одно – маяк на море...

– Я вам скажу, что Сара Бернар...

– Да что она тебе родня, что ли? Ну, дай ей Бог доброго здоровья!..

– Ах, Иван Гаврилович, милый вы человек, я, извините меня, невежа.

– А ты выпей. Это тебя сократит, может что поумнее скажешь. Хотя я невежа, это уж так Богу угодно, а только я на чести: чего понимать не могу, об том и разговору не имею. Ты,

может, четыре рихметики обучил, где ж мне с тобой сладить. Одно осталось – выпить с горя. Прости меня Господи!..

– Да вы не обижайтесь...

– Зачем обижаться...

– Сара Бернар действительно явление! Легко к ней относиться нельзя. Это дочь парижской улицы, как метко и справедливо сказано в одной газете. Ведь не даром же Европа и Америка преклонились перед ее дарованием.

– Пуцай к нам приедет. Наши тоже разберут.

– В самом деле, небывалая вещь: отличный рисовальщик, изумительный скульптор и очаровательная актриса!..

– Вы помните Виардо?

– Она певица была...

– Виноват, не Виардо, а как ее...

– Фанни Эльслер?

– Не записано ли у вас еще кого-нибудь в вашем поминанье-то? Валяй всех за упокой и за здравие.

– Василий, сходи к повару. Пусть он даст стерлядь а la Сара Бернар...

– Слушаю-с...

– Постой! Спроси у эконома: есть у нас в клубе вино, которое пьет Сара Бернар?

– Публика просто с ума сходит! Представьте, у театральной конторы по целым суткам стоит.

– А вы видели на Невском показывают женские телеса, разными красками разрисованные? Стечение публики тоже большое. Старичок один подошел к картинке-то, да так и замер. Что, думаю, дедушка, хорошо!..

– Это картина Сухаровского?

– Уж там я не знаю чья, но только... я вам доложу!.. Для избалованного человека может великое удовольствие, а для чистой души...

– То есть такого русопета, как Иван Гаврилович...

– Я верно говорю! Соблаз! Ничего нет хорошего.

– А в Пеште-то она провалилась.

– Кто?

– Сара Бернар.

– Да ведь это газетная сплетня! Это ненависть венгерской прессы к России.

– Что тут общего: Сара Бернар и Россия!.. Что она русская подданная, что ли?..

– А в Одессе не провалилась! А в Филадельфии не провалилась. Ну, пусть наши сыграют так, как Сара Бернар!..

– Ну, пусть Сара Бернар сыграет так что-нибудь из нашего репертуара...

– Повар не знает как приготовить стерлядь – по-русски или паровую?

– Дура он! Ему сказано – а la Сара Бернар... Пусть чего-нибудь покрошит... Ну, черт его возьми, давай паровую.

– А вина тоже нет.

– Глупо!

– А вы достали билет?

– Два посыльных, дворник, да три пролетария у конторы три ночи ночевали и...

– И?..

– Шиш!..

– Однако!..

– Время-то она нехорошее выбрала... Летнее бы дело в «Аркадии» – публике-то полегче бы было, и ветерком обдует, и все... А в театре жарко...

– Поверьте, что ее слава газетами раздута...

– Не раздуешь, как раздувать нечего!

– Поверьте, все можно раздуть!

– Даром народ кричать «ура!» не станет!
Даром за каретой народ не побежит!..

– Я не побегу!

– А я побегу!

– Я не буду вас останавливать.

– А я не буду вас больше убеждать. – Василий! дай мне судака огрatan.

– Господа, будемте справедливы, не будем на себя рук накладывать. Неужели русская актриса не может возвыситься до Сары Бернар? Неужели г-жа...

– Позвольте!

– Да не перебивайте же меня, дайте мне досказать. Неужели г-жа...

– Я знаю, что вы хотите сказать... Никогда не может! Все будет доморощенное, а не европейское. Язык не тот! С нашим языком только можно до Киева дойти, дальше он не действует, а по-французски говорит весь свет.

– При чем тут язык? Мартынов играл по-русски и заставлял перед собою преклоняться.

– Но не Европу!

– Нет, Европу! Лучших драматических художников Европы.

– Я вчера разговаривал с нашими театральными рецензентами. Все в один голос говорят, что раньше шестого декабря ничего нельзя сказать положительного.

– Когда здесь была Арну Плесси!..

– Честной компании!..

– Василью Ивановичу! Откуда изволили?

– Из «Ливадии».

– Что сегодня – «Фатиница»?

– Черт ее знает! Мы в буфете сидели. Вот скандалище-то заворотили! Вот вертунов-то наделали! Околоточный два часа протокол составлял...

– Что долго? Стихами что ли?

– На Сару Бернар достали?

– Нельзя же-с! Да ведь я только для шума...

Я люблю очень шум в театре. Этак у меня часто: пошлю артельщика с ребятами в воскресенье в театр, навалит их человек сорок. А от меня такое приказание кто бы ни вышел – старайся! Такой шум заведут – страсть! Кричать *bis* да ишабаш...

– Не угодно ли стаканчик?

– Спасибо, не хочется.

– В виде опыта – выкушайте.

– Право, не хочется...

– За здоровье Сары Бернар! Дай ей Господи огреть хорошенько публику, а нам за нее порадоваться, да поблагодарить за наставление, что она нами не побрезговала.

– Экой дикий народ-то! Печенег.

– Дикий... верно! Деньги на темную ставим... Своего купеческого звания не роняем. Кто хоть приезжай – заплатим.

– Когда здесь была Арну Плесси...

– Это еще какая? Ты где сидишь-то – помнишь ли? Проснись!

– Пора домой... Я так удручен...

– Пьянехонек, верно! Иди потихоньку, а то все расплещешь... Итак, за ихнее здоровье!